

Сунь Вэньцю часто вел себя непредсказуемо – мог сказать что-то, к чему невозможно подготовиться, или сделать что-то, что застанет врасплох. Но Фан Чи никак не ожидал, что во время такого серьезного занятия, как написание сочинения по английскому, Сунь Вэньцю способен на такое.

Мягкое, влажное прикосновение, словно легкий вихрь, появилось внезапно, почти не задержалось и так же быстро исчезло.

Но Фан Чи все равно был сбит с ног мощной силой этого неожиданного касания.

Он резко откинулся назад, и стул под ним опрокинулся.

Шок.

Растерянность.

Страх.

Он даже не успел разозлиться.

С грохотом он упал на пол вместе со стулом.

Сунь Вэньцю все еще полулежал на столе, склонив голову, с ручкой в руке, не успев ничего сказать. В момент падения Фан Чи инстинктивно оперся рукой о пол и вскочил на ноги, уверенно встав у стола.

- Отличная реакция!

А затем он ударил Сунь Вэньцю в лицо.

- Отличный удар!

Прежде чем Сунь Вэньцю успел опомниться от удара, он услышал, как Фан Чи с грохотом выбежал из комнаты, задев стол, стул и дверь.

Когда он, прикрывая ушибленный глаз, поднял голову, дверь в коридор уже захлопнулась.

- Вот черт, - тихо пробормотал он, потирая руку, вздохнул и снова опустил голову на стол, закрыв глаза.

Фан Чи чувствовал, будто перелетел через забор, даже не оттолкнувшись ногами. Это был самый быстрый путь домой за все годы, и это после целого дня тренировок.

Холодный ветер задувал под воротник, пробирая до костей. В ушах стоял только шум ветра, и он бежал, пока не оказался у подъезда, где наконец замедлил шаг.

Поднимаясь по лестнице, он все еще слышал гул в голове. Все мысли исчезли, оставив только одно – это неожиданное прикосновение Сунь Вэньцю.

Войдя в квартиру, он почувствовал легкое головокружение и плюхнулся на диван.

Рядом раздалось жалобное мяуканье, а затем его руку оцарапали.

- Ой, - Фан Чи тут же посмотрел в сторону: Хуан-Цзун оказался зажат между его рукой и

спинкой дивана. – Я не специально!

Хуан-Цзун проигнорировал его, стремительно запрыгнул на холодильник и уселся там.

– Извини... – Фан Чи глубоко вздохнул и закрыл глаза, пытаясь успокоиться.

Он не мог понять, что чувствует. В голове был хаос, будто он упал в кучу сена.

При мысли о Сунь Вэньцю его тело будто пронзали раскаленные иглы, вызывая жар, покалывание и онемение от учащенного сердцебиения.

Да, помимо хаоса и головокружения, самым ясным ощущением было именно сердцебиение.

Страх.

Напряжение.

Беспокойство.

Он не помнил, как уснул. Утром обнаружил себя на диване в той же позе.

Голова была тяжелой, и ему пришлось поддерживать ее руками.

Прошло минут десять, прежде чем он окончательно пришел в себя, умылся, переоделся и собрался в школу.

Но...

Не было рюкзака, учебников, домашней работы – ничего.

Все осталось у Сунь Вэньцю.

Единственное, что он взял вчера, – телефон, и то потому, что случайно положил его в карман.

Фан Чи снова сел на диван и вздохнул. Воспоминания о вчерашнем вечере нахлынули, как прилив, и он не знал, что делать.

Долго смотрел на имя Сунь Вэньцю в телефоне, потом встал, насыпал корм Хуан-Цзуну и вышел.

Ладно, с рюкзаком разберемся потом. Сегодня можно одолжить у кого-нибудь.

Фан Чи вышел на улицу, размахивая руками.

Возле школы он вспомнил, что не только рюкзак пропал, но и кошелек в нем. Теперь он был без гроша.

– Черт, – пробурчал он, стоя на ветру у школьного перекрестка.

Через пару минут подъехал Сюй Чжоу на электросамокате. Фан Чи уже хотел позвать его, но заметил Сяо Имина на заднем сиденье и заколебался.

– Фан Чи! – Сюй Чжоу заметил его, подъехал и остановился. – Что ты тут делаешь?

– У тебя есть деньги? – спросил Фан Чи. – Одолжи.

- Сколько? - Сюй Чжоу тут же полез в рюкзак.

- Двести.

- Убей меня, - Сюй Чжоу перестал копаться и посмотрел на него. - Может, пойдём к начальной школе и подождём, пока ученики выйдут? У них точно есть деньги.

- Тогда... - Фан Чи подумал, что можно взять хотя бы десятку на завтрак.

- У меня есть, - сказал Сяо Имин, выходя из машины.

- Дай... - начал Фан Чи, но резко замолчал. Обычно он говорил именно так, но сейчас поправился: - Одолжи.

Сяо Имин молча достал двести и протянул ему.

- Я поеду парковаться, - Сюй Чжоу уехал в сторону школы.

Фан Чи и Сяо Имин стояли на улице, чувствуя неловкость.

- Ты завтракал? - спросил Фан Чи.

- Нет, - ответил Сяо Имин. - Хотел пойти за пельменями.

- Тогда пойдём, - Фан Чи собрался переходить дорогу. Лавка с пельменями была напротив. - Я угощаю.

- Хорошо, - кивнул Сяо Имин.

Когда они собирались перейти, к ним подъехало такси, перегордив дорогу.

Фан Чи нахмурился, собираясь обойти, но дверь открылась, и кто-то вышел.

- Вот так и приходят в школу, - сказал человек.

Фан Чи обернулся и увидел Сунь Вэньцю с синяком под глазом - вероятно, от вчерашнего удара.

Неужели так сильно?

И попал прямо под глаз?

- Держи, - зевнув, Сунь Вэньцю вытащил его рюкзак из машины и бросил ему.

Фан Чи поймал рюкзак. Сяо Имин стоял рядом, и он не знал, что сказать.

- Спасибо, - наконец выдавил он.

- Не за что, - Сунь Вэньцю взглянул на них, сел обратно в машину, и она уехала.

- Я думал, ты уже выбросил рюкзак в классе, - сказал Сяо Имин, глядя вслед машине.

Фан Чи молча перекинул рюкзак на плечо и сунул двести юаней обратно в карман Сяо Имина.

Они молча перешли дорогу, зашли в заведение, заказали по большой порции пельменей и ели

в тишине. Сяо Имин несколько раз хотел что-то сказать, но так и не решился.

Фан Чи не знал, что тот хочет сказать, но, наверное, в глазах Сяо Имина это выглядело так, будто он провел ночь у кого-то и забыл рюкзак.

Если бы они были в прежних отношениях, Сяо Имин уже бы расспрашивал.

Уроки утром дались ему тяжело. Он не хотел спать, не устал, не был голоден, просто сидел и смотрел на учителя, время от времени ощущая приступы нервозности, от которых сердце бешено колотилось.

Беспокойство, поднимавшееся из глубины души, не давало ему заснуть даже на английском.

Когда Лян Сяотао взяла его тетрадь, он чуть не подпрыгнул от неожиданности.

- Что случилось? - тихо спросила она. - Я просто посмотрю твою работу.

- Смотри, - Фан Чи поправил воротник.

Лян Сяотао странно посмотрела на него, перевернула страницу и вдруг наклонилась:

- Кто тебе это написал? Очень красивые иероглифы.

- А? - Фан Чи посмотрел на тетрадь.

В сочинении уже были написаны пухлые, круглые символы - явно почерк Сунь Вэньцю. Он молча достал другие тетради и увидел, что даже те задания, которые они не успели разобрать, уже были выполнены.

- Тебе даже домашку делают? - Лян Сяотао цокнула языком. Она хорошо знала английский и, пробежав глазами сочинение, снова удивилась. - Да еще и отличник.

Фан Чи промолчал.

В обед он не пошел есть, пытался заснуть за партой, но не смог.

Удивительно, но после обеда он все еще не хотел спать. На самостоятельной работе он сидел бодрый, но не слушал учителя, уставившись в задания, которые сделал Сунь Вэньцю.

Он не ненавидел Сунь Вэньцю. Сначала, конечно, раздражался, но потом перестал. Он считал, что у Сунь Вэньцю высокий интеллект, но эмоциональное развитие хромает. Хотя он ведет себя по-детски, любит подшучивать и создавать проблемы, в душе он хороший.

Одинокое змеиное яйцо, которое еще и помогает с домашкой.

Но как бы хорошо он ни относился к Сунь Вэньцю, он не мог принять то, что произошло. Каждая мысль об этом вызывал дискомфорт.

На последнем уроке он серьезно обдумал ситуацию и решил поговорить с Сунь Вэньцю, чтобы больше такого не повторялось.

Как только прозвенел звонок, он схватил рюкзак и выбежал из класса, быстро пробежав до тихой улочки, где достал телефон.

Почему-то его руки дрожали, когда он набирал номер.

Телефон звонил долго, прежде чем Сунь Вэньцзюй наконец ответил:

- Алло?

Голос Сунь Вэньцзюя звучал глуховато, и, когда он раздался в трубке, Фан Чи почувствовал, будто тот говорил прямо у его уха. Он сглотнул, прежде чем выдать:

- Это я, Фан Чи.

- Угу, - отозвался Сунь Вэньцзюй и замолчал.

- В общем... - Фан Чи прикусил губу. - Я сегодня... не приду готовить.

- Угу, - снова откликнулся Сунь Вэньцзюй.

- Я просто... хотел сказать, - Фан Чи говорил с трудом, - мне не нравится, когда ты так себя ведёшь. Как вчера. Ты понимаешь, о чём я.

- Угу.

- Поэтому, если ты будешь продолжать в том же духе, я больше не приду... Но деньги я тебе верну.

- Угу.

Сунь Вэньцзюй только мычал в ответ, и Фан Чи не понимал, что это значит: согласие, отказ или что-то ещё?

- Твоё лицо... - он нерешительно добавил. Утром он заметил, что у Сунь Вэньцзюя серьёзный синяк под глазом, и, хоть тому были причины, ему было неловко.

- Ты... - вдруг перебил его Сунь Вэньцзюй.

- Ты... что? - Фан Чи вздрогнул, и сердце снова болезненно сжалось, будто от удара молнии.

- Неужели мне надо сказать это вслух? - спросил Сунь Вэньцзюй. - Мне кажется, ты не хочешь это слышать.

Фан Чи молчал, ощущая, как перед глазами всё прыгает в такт сердцебиению.

- Гомосексуалист, - спокойно произнёс Сунь Вэньцзюй. - Ты им являешься?

Эти слова заставили Фан Чи прислониться к дереву. В холодный день его спину моментально прошиб пот.

Он попытался взять себя в руки и, выдержав паузу, ответил:

- Я... нет.

- Да? - в голосе Сунь Вэньцзюя послышалась усмешка. - Ты уверен?

Фан Чи собрался:

- Уверен.

- Ну ладно, - Сунь Вэньцзюй помолчал. - Тогда можешь больше не приходить. Этот контракт о... услугах аннулируется.

- Что? - Фан Чи опешил.

- Когда я впервые сказал, что люблю мужчин, твоя реакция заставила меня подумать, что ты... Но раз ты говоришь, что нет, значит, нет. Так что больше не приходи.

Фан Чи молчал, не в силах сразу осознать услышанное.

- Если ты не такой, то играть с тобой больше неинтересно, - продолжил Сунь Вэньцзюй. - Зарплату за этот месяц я положил в кармашек твоего рюкзака. Купи Генеральному Хуану хорошего корма.

- ...Ладно, - Фан Чи не понимал, о чём думает сейчас. - Деньги я верну.

- Не торопись, срок ещё не подошёл, - Сунь Вэньцзюй усмехнулся. - Я кладу трубку. Пока.

Не дав Фан Чи ответить, он разорвал соединение.

Фан Чи убрал телефон в карман и, вместо того чтобы бежать дальше, опустился на каменную скамью под деревом. Холод камня быстро просочился сквозь ткань брюк и пополз по всему телу.

Он достал из рюкзака пачку сигарет, закурил.

Сделав несколько затяжек, он порылся в рюкзаке и нащупал в боковом кармашке конверт.

Внутри лежала пачка новых купюр, перевязанных тонкой полоской бумаги. Фан Чи разглядел на ней надпись.

Это был почерк Сунь Вэньцзюя - вероятно, он писал тонкой кистью, но буквы были размером с рукописные, аккуратные и красивые:

«Оплата за готовку, за уборку, за мытьё полов, за подметание, за перелезание через забор, за разбитое окно...»

Дальше Фан Чи не стал читать. Он сложил бумажку и сунул её в карман. Каждый пункт в этом списке заставлял его вспоминать моменты, проведённые в доме Сунь Вэньцзюя.

И это было невыносимо.

Докурив, он надел наушники и медленно пошёл обратно.

Сегодня ему не нужно было готовить, не нужно было закупать продукты и убираться - времени вдрут стало так много, что можно было не спеша бродить по улицам.

У входа в район он зашёл в зоомагазин и купил две пачки корма, который обычно брал Сунь Вэньцзюй, а затем в небольшом супермаркете прихватил лапши. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как он в последний раз варил себе еду в своём убогом жилище.

Дома Генеральный Хуан, к его удивлению, не терзал миску, а мирно спал, свернувшись

клубком в его тапочках у двери.

- Сегодня такой послушный, - Фан Чи взял кота на руки, погладил. - Почему ты совсем не растешь?

Генеральный Хуан лениво махнул лапой.

Накормив кота и убрав лоток, Фан Чи сел за стол, чтобы заняться уроками.

Этот стол был здесь ещё с тех пор, как он снял комнату - он принадлежал хозяину и по размеру почти не отличался от того, что стоял у деда. Вид у него был тоже старый.

Стол был облеплен наклейками, и, по сравнению с огромным чёрным столом Сунь Вэньцюя, покрытым мягким матовым лаком и всегда безупречно чистым, здесь было куда сложнее сосредоточиться.

Он склонился над тетрадью и начал делать домашнее задание. Прошло около получаса, прежде чем он почувствовал голод и отправился варить лапшу.

Лапша получилась неплохой. Он капнул немного кунжутного масла, и аромат разлился по комнате. Ел он перед телевизором, и от горячей еды на носу выступили капельки пота.

И вдруг его осенило: а что ест сегодня Сунь Вэньцюй?

Наверное, заказал доставку или пошёл куда-нибудь.

Потом он подумал, что зря переживает - богатому парню, для которого деньги не проблема, нечего волноваться о еде. Да и раньше никто ему не готовил, а вырос же... вполне нормальным.

Закончив с лапшой, Фан Чи вернулся к заданиям. Делал он их с трудом, постоянно отвлекаясь, но всё же кое-как справился, оставив пустыми только те, что не смог решить.

Он встал, попил воды и снова сел за стол, уставившись на нерешенные задачи. Вздыхнул: теперь некому будет их объяснить.

И внезапно его накрыло раздражение.

Фан Чи нахмурился и плюхнулся на стул. Раздражение росло из-за того, что он вообще раздражён, и он не понимал, что с ним происходит!

К полуночи он кое-как дописал оставшиеся задания, не особо заботясь о правильности - главное, чтобы всё было заполнено. Так хоть легче.

Он швырнул ручку, зевнул, быстро помылся и лёг в кровать. Поскольку сегодня он вёл себя как псих и до сих пор был на взводе, он надел наушники, надеясь, что музыка поможет уснуть.

Включил случайный плейлист, выключил свет, закрыл глаза.

Музыка была спокойной, идеальной для пробежек, прогулок или медитации - она расслабляла.

Фан Чи закрыл глаза, замедлил дыхание, стараясь синхронизировать его с ритмом музыки. Он и так весь день был на нервах, и если сейчас не уснёт, завтра можно не идти на пары.

Несколько композиций сменили друг друга, но сон не шёл. Он вздохнул и решил выбрать что-

нибудь ещё более медленное.

Только он протянул руку, как в наушниках раздалось лёгкое покашливание.

Он вскочил, будто его ударили ножом, и волосы на затылке встали дыбом.

- Сыграю тебе кое-что. Судя по твоему уровню, ты такого не слышал, - в наушниках прозвучал голос Сунь Вэньцюя. - Это называется «Пастушка». Мне нравится. В тот день у тебя дома я хотел сыграть её, но ты заказал «Скачки».

Фан Чи замер на кровати.

После короткой паузы в наушниках зазвучала мелодия эрху, пронизанная лёгкой грустью.

Было слышно, что инструмент Сунь Вэньцюя намного лучше дедова - звук мягкий, округлый. Хотя качество записи оставляло желать лучшего, Фан Чи сразу погрузился в музыку.

- Ты от... откроешь или нет? - раздался в трубке голос Ма Ляна.

- Я валюсь с ног, хочу спать, - Сунь Вэньцюй закутался в одеяло. - Отстань.

- То... тогда я сам. - Ма Лян положил трубку.

- А-а-а... - Сунь Вэньцюй перевернулся на другой бок, услышав, как Ма Лян открывает калитку, затем дверь в гостиную и, наконец, заходит в спальню.

- Вс... вставай. - Ма Лян ткнул в него пальцем.

- Чего тебе? - Сунь Вэньцюй не открывал глаз.

- О чём ты ду... думаешь? - Ма Лян подошёл и стащил с него одеяло. - Та... такое важное дело, и ты мне ни... ничего?

Сунь Вэньцюй с неохотой сел, натянул пижаму и скрестил ноги:

- Какое ещё важное дело? Ты среди ночи бросаешь жену, чтобы прийти сюда и раздеть мужика?

- Отец мне з... звонил, - Ма Лян сел на стул рядом с кроватью. - Что про... происходит?

- И что он сказал? - Сунь Вэньцюй зевнул.

- Сказал не да... давать тебе денег. Если дам - мне ка... капут.

- И что ты ответил? - Сунь Вэньцюй повернулся к нему. Батя не терял времени - уже начал экономическую блокаду?

- Ну и ка... капут, - нахмурился Ма Лян. - Он ж меня не из... изобьёт.

- Может, клиентов отберёт - и ты труба. - Сунь Вэньцюй усмехнулся.

- Не от... отберёт. У нас с ним ра... разные стили, - Ма Лян явно нервничал и закурил прямо в спальне. - Ты же по... понимаешь, что теперь ты бомж?

- Ты пришёл только чтобы сказать мне это? - Сунь Вэньцюй посмотрел на него.

- Что с твоим лицом? - Ма Лян вскочил, взял его за подбородок и удивлённо вытаращил глаза.
- Те... тебя били?
- Нет, - Сунь Вэньцзюй отстранился. - Не отец.
- Кто?! - Ма Лян закричал с сигаретой во рту, и пепел упал на кровать.
- Мой сынок, - Сунь Вэньцзюй стряхнул пепел. - Иди кури на улицу, чёрт возьми.
- Твой сы... сын? Ф... Фан... Ах, чёрт, - Ма Лян уставился на него. - Ты что, опять за... за свои старые проделки?

<http://bllate.org/book/14411/1274136>